

Это было, было...

Казахскому академическому театру драмы имени М. Ауэзова — 65 лет

В Доме-музее М. О. Ауэзова есть пожелтевшая от времени фотография, на ней запечатлены первенцы национального казахского драматического театра (открывшегося в 1926 году в Кызыл-Орде): Амире Кашаубаев, Калибек Куанышбаев, Курманбек Жандарбеков, Елюбай Умурзаков, Зугра Атабаева, Иса Байзаков, Серке Қожамкулов и другие. Время неумолимо. Многих из них уже нет. О них сегодняшнему поколению напоминают сохранившиеся документальные киноленты, художественные фильмы, в которых они снимались, книги, газетно-журнальные публикации...

Когда я всматривался в уникальные фотографии, мой взор привлекала сидищая между К. Жандарбековым и К. Куанышбаевым привлекательная молодая женщина. Заинтересовавшись, мне удалось выяснить, что она живет и здравствует в Астана-Ате. Не стану описывать, как мне удалось ее разыскать. Во всем этом самое главное то, что в 65-летие Казахского театра драмы я могу поведать читателям ее живые воспоминания о своих современниках — творцах национального театрального искусства.

Беседа за чашкой чая у нее дома, я узнал много интересного от Амины Еленовны. Амина-апай до вызова ее в Кызыл-Орду в театр проживала в уединенном тогда городе Кустаная, где в начале 20-х годов участвовала в работе просветительско-агитационного клуба при художественной самодеятельности с такими актерами, как Умурзаков, Қожамкулов, Сегізбаев, Фаризов и другими. Участвовала в спектаклях «Маламкас» Е. Ерданаева, «Каламкас» В. Майлина, «Елди-Кебек» М. Ауэзова. Играла заглавные роли, а также декламировала и пела. И с этим уже творческим багажом она приехала по телеграмме Наркомпроса в Кызыл-Орду осенью 27-го.

— С каким ощущением в душе, Амина-апай, вы переступили тогда впервые пороги театра и как были приняты в труппу?

— В театр, как помню, меня привел чуть ли не за руку Серке Қожамкулов. Я, конечно, волновалась: меня, дочь бедняка, думала я, пригласили в столичный театр! Мне не верилось. Вошел в кабинет директора, Серке представлял меня как актрису: «Не удивляйтесь, — улыбнулся он, — хотя ростом она и ма-

ла, но голос у нее большой, и актриса будет превосходная».

А когда исполнила по его просьбе песню на слова Майлина из пьесы «Каламкас», директор «сдался». И с этого момента я была включена в труппу театра.

— Как и при каких обстоятельствах произошло ваше первое знакомство с актерами труппы?

— Кургено и непринужденно. Получая в классе театра подъемные, я услышала сзади себя реплику: «О, кели, мы забрали все деньги!». Я обернулась: передо мной стояла, мило улыбаясь, красивый молодой человек, рядом с ним еще двое. Протянув мне с улыбкой руку, представил: «Я — Курманбек Жандарбеков». «А я буду, — сияя шапкой и низко поклонившись, молвил другой, — Иса Байзаков». «Это, — представил Курманбек, — наш друг певец Амире Кашаубаев».

Вот так произошло мое первое знакомство с выдающимися впоследствии деятелями культуры. И с этих минут я имела счастье долгие годы общаться с ними на сцене и вне ее.

— Что представлял из себя тогда театр?

— Выглядел невероятно: саманное здание, в котором когда-то размещалась школа. Но это для нас тогда было важно. Важно было то, что в этом непривлекательном доме с низкими потолком и земляным полом мы осуществляли мечту о будущем театре, с большими вдохновенным играли первые наши спектакли и ставя концерты.

— Пожалуйста, чуть подробнее о концертах.

— Начну с незабвенного для меня конференсы Исы Байзакова. Вспоминаю, как

перед началом одного концерта за кулисами мы услышали в адрес объявляющего программу Исы из зала реплику: «Почему этот Байзаков никогда не снимает с головы тубетейку?». «Наверное, — добавила другой, — он пашивый». В зале, естественно, посыпались смешки, и тогда Иса не растерялся: сделав низкий поклон зрителям, снял головной убор, блеснул лысиной, в зале раздался смех, и только после этого он, улыбаясь, принялся объявлять программу.

И началось выступление певцов. С домброй вышел в изысканном жупане с гордой осанкой Амире Кашаубаев, публика ликвала, взорвавшись рукоплесканиями. Амире, улыбаясь и приветливо кивая головой зрителям, сел на стул, засучил по привычке рукава, несколько минут настраивал инструмент. Зал замер в ожидании: он заиграл мелодию песни «Вал-Калдыш» и запел своим сочным, колоритным, покориющим голосом. Передачу его невозможно: такого голоса, каким обладал Амире, я больше в своей жизни никогда не слышала. Его пением, как известно, в 1925 году восхищались зрители Парижа, рукоплескала театральная публика Берлина.

— Амина-апай, вы упомянули о конференсе Исы Байзакова. Не могли бы вы нам добавить в нашем рассказе что-либо как об актере?

— Об актерском таланте Байзакова можно многое сказать. Его бесподобные импровизации восхищали не только зрителей, но и нас, артистов. Он был редчайшим блестящим песенником-импровизатором. Помню, выйдя однажды на сцену, он попросил зрителей назвать тему для его песни. Одни предложили спеть о любви, другие — о скряге, третьи — о пороках байства и так далее. И, к всеобщему удивлению, он исполнил под звуки домбры песни на любые названные темы. При исполнении домбра в его руках казалась живой и послушной ему: он уставлял ее на голове, прятал за спину, приспосабливал на плечи и все это демонстрировал быстро и увлеченно, не прерывая исполняемой мелодии. Такие, не побоюсь этого слова, феномены-импровизаторы, какими был Иса Байзаков, в жизни встречаются крайне редко.

— Амина-апай, выезжала

ли ваша труппа на гастроли или просто с концертами?

— А как же, выезжала, и часто. Помню, в одном предместии Кызыл-Орды, в селе, куда мы приехали с концертом, в основном проживали узбеки. Концерт проходил под открытым небом, прямо на поляне собралось много сельчан. После нескольких номеров программы настал черед выступать Жандарбекову. Мы, конечно, знали, что он в совершенстве владеет узбекским языком, но я никогда не слышала, как он поет, и не видела, как танцует по-узбекски. Взяв в руки цветной платок, под мелодию узбекской музыки он запел, а через некоторое время начал приплясывать, да так, что все диву давались. В ярком национальном узбекском костюме, с приколом розой на голове он пленял зрителей не только исполнением, но и внешностью. Завороженные выступлением Курманбека зрители, казалось, готовы были присоединиться и поплясать с таким очаровательным парнем.

— Ваши воспоминания весьма интересны. Но, к сожалению, гаветная площадь не позволяет представить все, что вы могли бы поведать читателям. Спасибо вам за интересный рассказ о тех, кто стал историей театра, его гордостью и чьи традиции актерского мастерства он продолжает. В заключение беседы хотелось бы узнать, что послужило, помимо концертов, толчком для нашей труппы к большому сценическому искусству, с чего оно началось?

— Не концерты, конечно, определили основное русло развития театра. В ту пору, надо сказать, мы еще не были профессиональными артистами, не имели на то достаточного сценического опыта. Но тем не менее в наших постановках, таких, как «Алтын сақна» Кемегерова, «Зарлык» Утеулидина, «Карагоз» Ауэзова и других, так или иначе наша труппа набирала опыт. Спектакль «Елди - Кебек» по Мухтару Ауэзову, от него — к постановке «Абай», пьесе «Жалдыр» Бенибета Майлина, «Ревизор» Гоголя и наконец «Отелло» Шекспира... Так труппа открывала дорогу в истинно сценическое искусство.

Беседу вел
Е. ЖУСКЕЕВ.